[17] *Жуффруа Теодор Симон* (1796–1842) – французский философ, последователь В. Кузена; писатель и политический деятель. Преподавал в Коллеж де Франс до 1836 г.

[18] *Дюрюи Виктор* (1811–1894) – французский историк и государственный деятель, министр образования в эпоху Второй империи.

[19] *Бернар Клод* (1813–1878) – французский физиолог, один из основоположников экспериментальной медицины.

[20] *Фландрен Ипполит* (1809–1864) – французский художник, в особенности известен как декоратор и портретист.

[21] Слово *grâce* во французском языке означает и "грация, изящество", и "благодать".

[22] *Бутру Эмиль* (1845–1921) – французский философ, представитель спиритуализма.

[23] *Песс Жан-Луи-Ипполит* (1803–1880) – французский писатель и философ.

[24] *Брошар Виктор* (1848–1907) – французский философ и историк философии.

Перевод и примечания И.И. Блауберг

ЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКА "РАБОЧЕГО" ДЛЯ ХАЙДЕГГЕРОВСКОЙ КРИТИКИ МЕТАФИЗИКИ

А.В. Михайловский

В настоящей статье рассматривается интерпретация М. Хайдеггером философско-исторического эссе Э. Юнгера "Рабочий. Господство и гештальт" (1932). Основываясь на анализе отдельных трактатов, докладов и лекций Хайдеггера 30–40-х годов XX в., мы пытаемся понять значение поставленного в "Рабочем" диагноза современности для мышления Хайдеггера после "поворота". Наша задача состоит в том, чтобы показать, *насколько* хайдеггеровская критика эпохи (Zeitkritik) обязана диагностическим наблюдениям и описаниям, содержащимся в главном эссе Юнгера – иными словами, *насколько важным* для формирования "бытийно-исторического" отношения к современности явилось осмысление *метафизического языка* "Рабочего"

1. ХАЙДЕГГЕР И ЮНГЕР: ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ПОСЛЕ ВОЙНЫ?

В письме к Э. Блохманн от 3 марта 1947 г. Хайдеггер, сообщая о своих размышлениях, связанных с проблемой техники и ее определения, говорит: "Это вещи, о которых я думаю вот уже 15 лет"[1]. Про-

[1] *Heidegger M. – Blochmann E.* Briefwechsel, 1918–1969 / Hrsg. v. J.W. Storck. Marbacham; Neckar, 1989. S. 93.

стейшая арифметическая операция показывает, что речь идет о 1932 г., когда вышел в свет "Рабочий" Юнгера.

В 1947 г. Хайдеггер публикует "Учение Платона об истине" и "Письмо о гуманизме", прерывая тем самым свое долгое молчание. В следующие годы он выступает с рядом докладов и статей, причем особое место здесь занимает доклад "Вопрос о технике" К постановке "вопроса о технике" Хайдеггер приходит со "*знанием* о нигилизме" и сопутствующим знанием о "другом начале", рождающемся посреди нигилистической современности, оставленной бытием. "Вопрос о технике" становится определяющим для осмысления существа современности. И поскольку отвечать – значить соответствовать, т.е. отвечать существу того, о чем *вопрошающий* вопрошает (FT 23, BT 231), вопрос о сущности техники в то же время понимается Хайдеггером как вопрос о сущности современности.

К началу 50-х годов относится известная дискуссия между Хайдеггером и Юнгером о "преодолении нигилизма"[2]. В сборнике, посвященном 60-летию Хайдеггера, Юнгер опубликовал эссе "Через линию"[3], на которое Хайдеггер через пять лет ответил статьей «О "линии"», посвященной 60-летию Юнгера[4]. В "открытом письме" Хайдеггер подводит своеобразный итог своей внутренней дискуссии с Юнгером, начавшейся в первой половине 30-х годов, и именно оно дает нам полное право называть Хайдеггера (несмотря на "экономичный" характер его прочтения) одним из наиболее глубоких и интересных интерпретаторов Юнгера. Иными словами, статья «О "линии"» впервые обращает внимание на то значение, которое имел диагноз современности, сформулированный в "Рабочем", для постановки вопроса о технике.

В письме Хайдеггера к Юнгеру от 18 декабря 1950 г., во многом предвосхищающем основные положения «О "линии"», мы находим указание на разговор о "Рабочем", состоявшийся во время первой личной встречи философа и писателя 17 сентября 1948 г.[5] Спустя

---

[2] Этой дискуссии посвятил несколько специальных работ современный немецкий философ, знаток творчества обоих авторов Гюнтер Фигаль (Фрайбург-в-Брайзгау). См. три его статьи: *Figal G.* Der metaphysische Charakter der Moderne. Ernst Jüngers Schrift *Über die Linie* (1950) und Martin Heideggers Krtitik *Über "Die Linie"* (1955) // Ernst Jünger im 20. Jahrhundert / Hrsg. H.-H. Müller, H. Segeberg. München, 1995. S. 181–197; *Idem.* Nochmals über die Linie // Magie der Heiterkeit: Ernst Jünger zum Hundertsten / Hrsg. G. Figal, H. Schwik. Stuttgart, 1995. S. 25–39; *Idem.* Erörterung des Nihilismus: Ernst Jünger und Martin Heidegger // Études Germaniques. 1996. Oct.–déc. S. 717–725.

[3] См.: *Jünger E.* Über die Linie // Anteile. Martin Heidegger zum 60. Geburtstag. Frankfurt a. M., 1950. S. 245–283.

[4] См.: *Heidegger M.* Über "Die Linie" // Freundschaftliche Begegnungen: Festschrift für Ernst Jünger zum 60. Geburtstag / Hrsg. v. A. Mohler. Frankfurt a. M., 1955. S. 9–45. С небольшими изменениями (добавлено короткое предисловие) переиздана под названием "Zur Seinsfrage" См.: Wegmarken. GA. Frankfurt a. M., 1976. Bd. 9.

[5] *Heidegger M.* Ein Brief and Ernst Jünger (18. Dez. 1950) / Hrsg. v. H. Heidegger // Jahresgabe der Martin-Heidegger-Gesellschaft. 1998. S. 14.

несколько лет Хайдеггер еще раз упоминает об этом разговоре уже в открытом письме (WM 391–392) и представляет свой взгляд на главный труд Юнгера, сформировавшийся более 20 лет назад. «Зимой 1939–1940 гг. в небольшом кругу университетских преподавателей я комментировал "Рабочего" Было удивительно, что столь *зоркая* книга была доступна уже столько лет, а мы сами даже не *выучились* тому, чтобы дерзнуть и попытаться *взглянуть на настоящее в оптике "Рабочего"* и мыслить планетарно» (WM 390) (курсив мой. – *А.М.*). Попытка Хайдеггера, однако, вскоре была пресечена властями. "Ибо, – как пишет он сам, – к сущности воли к власти принадлежит: не позволять действительному, которым она овладевает, являться в *той* действительности, в качестве каковой она сама существует" (Ibid.). Уже один этот фрагмент делает явным первостепенное значение *описания ситуации,* которое дает Юнгер. Описание (Beschreibung) и диагностическое суждение (Lagebeurteilung, собственно "суждение о том, в каком положении находится современный человек" – WM 389), согласно Хайдеггеру, необходимо для того чтобы начать путь осмысления. «Многое из того, на что Ваши описания открыли глаза и чему впервые позволили прозвучать, видит и говорит сегодня каждый. Кроме того, "Вопрос о технике" многим обязан описаниям, содержащимся в "Рабочем" Относительно Ваших "описаний" следует заметить, что они не только отображают уже известное действительное, но делают доступной "новую действительность", причем здесь "в меньшей степени идет речь о новых мыслях или новой системе... (Рабочий, Предисловие)» (WM 391).

Итак, за диагнозом ситуации Хайдеггер обращается именно к "Рабочему", который дает "описание европейского нигилизма в его фазе после первой мировой войны" (WM 389). «Действие труда "Рабочий" состоит в том, что он делает явным "тотальный характер работы" всего действительного из гештальта рабочего. Так первоначально европейский нигилизм является как планетарная тенденция» (Ibid.). "Делает явным", sichtbar macht, означает: показывает, кажет. Но это показание Юнгера возможно в свою очередь потому, что ему самому "сущее в целом кажет себя... в свете метафизики воли власти..." (WM 390). «Труд Эрнста Юнгера "Рабочий" имеет вес, потому что иначе чем Шпенглер позволяет сделать то, чего не смогла до сих пор сделать вся литература о Ницше, а именно: дать опыт сущего и того, как оно есть, в свете ницшевского наброска сущего как воли к власти...» (WM 391).

Мы не станем здесь подробно разбирать положения статьи Хайдеггера, очень критичной к послевоенной юнгеровской попытке преодоления нигилизма. Укажем лишь на одно немаловажное обстоятельство: Хайдеггер читает "Через линию" как продолжение "Рабочего" – в той мере, в какой оно сохраняет тот же язык, язык метафизики. Это позволяет нам не только открыть в "Рабочем" нечто более существенное, чем политический манифест, памфлет или

утопию, но и лучше понять бытийно-историческую мысль самого Хайдеггера. В статье «О "линии"» Хайдеггер указывает на: 1) первостепенную метафизическую значимость "Рабочего" с его онтологическим измерением техники (*герменевтический аспект*); 2) непредвзятое описание технического характера феноменов современности, в сущности которых лежит "гештальт рабочего" (*феноменологический аспект*). «..."Вопрос о технике" многим обязан описаниям, содержащимся в "Рабочем"» – это лаконичное признание, сделанное через несколько лет после войны, можно трактовать гораздо более широко и с полным правом относить к более ранним работам Хайдеггера. Постановка "вопроса о технике" была отчетливо обозначена Хайдеггером еще в сочинениях второй половины 30-х годов (например, в трактатах "Вопросы философии: О событии", "Осмысление", "Преодоление метафизики"); и если в 1955 г. Хайдеггер подтверждает "глубокую" связь между "Вопросом о технике" и "Рабочим", то в этом замечании нельзя не видеть косвенного указания на весомость юнгеровского подхода к современной технике как "мобилизации мира" и его продуктивность для хайдеггеровской критики техники и концепции истории метафизики как истории бытия.

2. ТЕХНИКА КАК "ТОТАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ"

В "Рабочем" сущность техники определяется как "мобилизация мира гештальтом рабочего" (параграфы 44–57). Новизна юнгеровского подхода во многом определяется тем, что можно назвать "героическим преодолением критики техники"[6]. Юнгер отказывается от противопоставления старого новому (в духе расхожей критики культуры) и стремится очертить контуры новой эпохи (эпохи рабочего) без всяких иллюзий. Позиция "героического реализма", любовное принятие технической судьбы (в духе amor fati Ницше и Шпенглера), оказывается условием всеобъемлющего описания и осмысления технических феноменов современности.

В чем заключается диагноз Юнгера? Лицо эпохи рабочего определяется техникой, достигшей планетарного размаха. Техника создает радикально новые условия для человеческой деятельности – условия той новой мировой действительности, которой присущ "тотальный рабочий характер" Юнгер указывает, что "тотальную мобилизацию следует понимать лишь как функцию гештальта рабочего; она охватывает область, в которой излучение этого гештальта проявляется в форме организационного процесса". В то же время "исторической задачей гештальта рабочего является осуществление этого процесса" (BS 12–13). Отсюда следует, что техника соразмерна гештальту рабочего, т.е. является *метафизической величиной*.

---

[6] См.: *Sieferle R.-P.* Ernst Jüngers Versuch einer heroischen Überwindung der Technikkritik // Selbstverständnisse der Moderne. Stuttgart, 1991. S. 171–173.

Здесь Юнгеру удается преодолеть ограниченность различных способов рассмотрения техники, в том числе и консервативной критики техники первых десятилетий XX в., представлявшей технику либо как внешний инструмент, либо как демоническую силу (ср. A 155–157; P 234–236). Но ни в том ни в другом случае не была прояснена собственно сущность техники и отношение ее к человеку, для которого техника в современную эпоху представляется уже не чем-то чуждым, а именно *свойственным* ему (eigen). Лишь рабочий как тип (в противоположность буржуазному индивиду) имеет метафизическое, т.е. соразмерное гештальту отношение к технике. "Техника – это тот способ, каким гештальт рабочего мобилизует мир. Та мера, в какой человек решительным образом становится в отношение к ней, та мера, в какой она не разрушает его, а ему содействует, зависит от той степени, в какой он репрезентирует гештальт рабочего. Техника в этом смысле есть владение языком, актуальным в пространстве работы. Язык этот не менее значим, не менее глубок, чем любой другой, поскольку у него есть не только своя грамматика, но и своя метафизика. В этом контексте машина играет столь же вторичную роль, что и человек; она является лишь одним из органов, позволяющих говорить на этом языке" (A 156, P 234–235).

Современность, стоящая под знаком технической революции, предстает как абсолютно подвижный мир. Но в то же время "за динамическими излишествами эпохи скрывается некий неподвижный центр" (A 203, P 294). "Гештальт рабочего" осуществляет нивелировку, но в то же время он – единственное, что остается вне зоны уничтожения. Отсюда следует, что метафизический центр физических процессов есть гештальт рабочего, т.е. единство физики и метафизики открывается лишь в измерении гештальта (gestaltmäßig).

В процессе тотальной мобилизации происходит образование "тотального рабочего характера" всего действительного (A 175, P 258). Превращение мира в "мир работы" (Arbeitswelt) означает достижение тотального господства над миром. Активность рабочего сказывается в овладении, достижении безграничного господства над пространством новым способом: слить в единое целое все различия, стереть все границы в тотальном пространстве без близи и дали и повелевать еще невиданными силами. Тотальное опустошение, расчищение пространства мира, которое осуществляется посредством техники.

Техника является метафизическим языком, который в качестве сферы своей значимости предполагает *тотально опредмеченное сущее*. Язык техники отличает принудительность, та принудительность, которая свойственна и предметной "революции sans phrase" (A, passim). "В технике мы узнаем самое действенное, самое неоспоримое средство тотальной революции. Нам ведомо, что у сферы уничтожения есть тайный центр, из которого исходит

якобы хаотичный процесс покорения старых начал. Этот акт обнаруживается в том, что подчинившийся ему вольно или невольно принимает новый язык" (A 169, P 251). "Сегодня есть лишь *одно* революционное пространство: оно определяется гештальтом рабочего" (A 196, P 285). Итак, тотальная мобилизация, по Юнгеру, определяет весь мир как "мир работы" "В эпоху масс и машин" (TM 128, M 453) она означает тотальное опредмечивание и приведение всего сущего в абсолютно подвижное состояние: мир устраивается таким образом, что его горизонт – это всегда горизонт возможной, но еще не осуществленной работы. Пространство мира понимается как "техническое пространство", "техническая тотальность" (A 174, P 257).

Особая роль техники открывается там, где она вступает в новую систему жизненных отношений. Здесь Юнгер, отталкиваясь от Шпенглера[7], преодолевает расхожее мнение консервативной критики техники о противоположности машины и органической природы. В мире работы техника становится органической: ὄργανον человека. Служа ему средством, инструментом, машиной, техника одновременно выступает как естественное, органическое продолжение тела. Этот феномен сплавленности человека с машинной техникой Юнгер именует "органической конструкцией" В мире работы противопоставление органики и техники превращается в фикцию, сама жизнь становится делом техники (S 160, Б 491).

Узнавание технической действительности в "Рабочем" предполагает *героическое отношение* к действительности. Рабочему присуща определенная "выправка", "позиция" (Haltung) – позиция "героического реализма" Занимая эту позицию – разумеется, не в мировоззренческом смысле – рабочий утверждает свой способ бытия в тотальном техническом "мире работы". Позиция героического реализма означает таким образом 1) свободу в "мире работы" и 2) господство над этим миром (A 44, P 99).

В эссе "О боли" (1934), через два года после "Рабочего", Юнгер подытоживает свой диагноз технической современности: "...*Мы находимся в последней и причем чрезвычайно примечательной фазе нигилизма*, которую знаменует то, что новые порядки уже продвинулись далеко вперед, а соответствующие этим порядкам ценности еще не стали видимы" (S 190, Б 529) (курсив мой. – *А.М.*). Здесь вновь стоит вспомнить высказывание Хайдеггера о том, что "Рабочий" дает "описание европейского нигилизма в его фазе после первой мировой войны" (WM 389). Попробует проследить, какую форму приобретает этот диагноз в хайдеггеровской критике метафизики 30–40-х годов.

---

[7] Ср. определения техники как "тактики жизни", "внутренней формой ведения борьбы, которая тождественна самой жизни" (*Spengler O.* Der Mensch und die Technik. München, 1931. S. 7).

3. ПРЕОДОЛЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ

Первые заметки к "Рабочему" Эрнста Юнгера[8] восходят к 1932 г., но по большей части возникли в 1939–1940 гг. В сборнике "Ректорат, 1933/34"[9] содержится текст, где Хайдеггер сообщает о том, что "тогда", т.е. после выхода в свет "Рабочего" (речь идет, стало быть, о 1932–1933 гг., так как эссе было опубликовано осенью 1932 г.), он вместе со своим ассистентом Броком говорил в небольшом кругу слушателей о "Рабочем" и "Тотальной мобилизации". В связи с этим также вызывают интерес два личных экземпляра Хайдеггера (3-е и 4-е издание "Рабочего"), испещренные многочисленными замечаниями (их характер свидетельствует о том, что Хайдеггер штудировал эссе Юнгера не менее тщательно, чем, скажем, "Метафизику" Аристотеля)[10]. Помимо манускрипта о "Рабочем" в этом ряду можно назвать также неопубликованные письма Хайдеггера ("Ein Brief an einzelne Krieger", нояб.–дек. 1939 г., Мескирх), адресованные "отдельным воинам", ученикам Хайдеггера, сражавшимся на Востоке. Они показывают, что Хайдеггер внимательно читал не только "Тотальную мобилизацию", "Рабочего" и "О боли", но и военные книги Юнгера, например "Огонь и кровь", "Перелесок 125" (1925). (Всеми приведенными выше сведениями я лично обязан издателю 90-го тома Петеру Травни, Вуппертальский.) Гюнтер Зейбольд (также со ссылкой на Петера Травни), приводит фрагмент из текста "Das Rektorat", в котором можно выделить основную мысль хайдеггеровских заметок из наследия[11]. "То, что Эрнст Юнгер продумывает в своих мыслях о господстве и гештальте рабочего и видит в свете этой мысли, есть универсальное господство воли к власти в рамках планетарно увиденной истории. В этой действительности пребывает сегодня все, будь то коммунизм, фашизм или мировая демократия"[12].

В этом фрагменте четко обрисованы те рамки, в которых будет развиваться хайдеггеровская интерпретация "Рабочего" А именно: Хайдеггер придает книге Юнгера метафизическую ценность, однозначно помещая ее в историю западноевропейской метафизики как наиболее значительный документ после "Воли к власти" Следовательно, философско-историческая эссеистика Юнгера непосредст-

---

[8] Эти записи, хранящиеся в Немецком литературном архиве в Марбахе-на-Неккаре (DLA), готовятся в настоящее время к публикации Петером Травни в качестве 90-го тома «Zu Ernst Jünger "Der Arbeiter"» Полного собрания сочинений М. Хайдеггера (IV. Abteilung. Hinweise und Aufzeichnungen).

[9] См.: *Heidegger M.* Das Rektorat, 1933/34: Tatsachen und Gedanken. Frankfurt a. M., 1983.

[10] Следует заметить, что большинство маргиналий приходится на страницы именно первой части "Рабочего" (3-е изд.), где Юнгер говорит о "репрезентации" власти и "господстве".

[11] *Seubold G.* Martin Heideggers Stellungnahme zu Jüngers "Arbeiter" im Spiegel seiner Technikkritik // Titan Technik / Hrsg. v. F. Strack. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2000. S. 127.

[12] *Heidegger M.* Das Rektorat. 24 f.

венно связывается с философией Ницше и ее основной категорией – "воля к власти". Как свидетельство современности, понятое одновременно в объективном и субъективном смысле родительного падежа, "Рабочий" Юнгера принадлежит к событию "завершения метафизики", т.е. в нем приходит к своему логическому завершению сама современность. Уже здесь мы можем предположить, что содержащийся в "Бытии и времени" (не менее ярком свидетельстве современности) анализ временности и историчности Dasein не давал *необходимого инструментария* для описания и постижения конкретных феноменов эпохи. Такой инструментарий Хайдеггеру впервые дала встреча с Ницше и Юнгером.

Прежде чем мы перейдем к реконструкции хайдеггеровской интерпретации, опирающейся на тексты 30–40-х годов, необходимо ответить на несколько вопросов: Что такое метафизика в хайдеггеровском понимании? каков основной тезис критики метафизики? каков смысл "преодоления" метафизики?

Хайдеггер понимает метафизику очень широко – как основную черту западноевропейского человечества (Menschentum), определяемую "забвением бытия" (Seinsvergessenheit) Стало быть, раскрытие и разоблачение "забвения бытия" – исходная точка хайдеггеровской критики метафизики. Метафизика не доходит до последнего вопрошания. Она задает вопрос: "Что есть сущее?", спрашивает о сущем как таковом, ὂν ᾗ ὄν. Но основной вопрос философии, преодолевающей метафизику, должен быть таким: что есть бытие? (N I 80).

Как совершается это преодоление (Überwindung der Metaphysik), и что происходит с самой метафизикой? Существенно, что преодоление не значит "изживание", устранение метафизики. Метафизика – это то, с чем философия постоянно имеет и будет иметь дело. Мы не погрешим против истины, если сравним метафизику с болезнью, которой страдает европейское человечество. От болезни можно излечиться, но она всегда будет присутствовать как некий след на выздоровевшем человеке. Таким образом, определения позитивного и негативного отпадают сами собой. Преодоление метафизики возможно лишь как "Verwindung" (WM 408), т.е. "преодоление через переживание". Метафизику нельзя отбросить, ею можно только переболеть и таким образом преодолеть в себе[13].

Стало быть, преодоление метафизики в хайдеггеровском смысле – это преодоление оставленности сущего бытием (Seinsverlassenheit des Seienden). "Преодоление метафизики в бытийно-историческом смысле – это окончательный отказ от метафизического толкования метафизики" (N II 370). Очевидно, что при таком подходе отношение между критикой метафизики и метафизи-

---

[13] Об этом см.: *Figal G.* Verwindung der Metaphysik: Heidegger und das metaphysische Denken // Grundlinien der Vernunft / Hrsg. v. Ch. Jamme. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1997. S. 450–470.

кой чрезвычайно амбивалентно[14]. Оттого, используя обозначение "критика метафизики", мы пытаемся сохранить эту амбивалентность, пытаясь услышать слово "критика" в греческом значении слова κρίσις, указывающем на суд, свидетельство и ответственность.

В трактате "История бытия" (1938–1940) Хайдеггер, впрочем, отграничивает "критику" в расхожем смысле слова от дела преодоления метафизики: метафизика преодолевается не так, что от нее путь ведет к какой-нибудь мета-метафизике или же вообще к отсутствию всякой метафизики. Вопрошание становится *принципиально* иным, ведет к осмыслению, Besinnung (GS 36). Ложными являются как отрицание метафизики позитивизмом, так и безоглядное утверждение метафизики. В этом положении единственно надежным оплотом остается Ницше, который "не только полагает конец, т.е. нужду другого начала (die Not eines anderen Anfangs), но как раз вынуждает эту нужду" (GS 19). Таким образом, в завершении метафизики становится существенной и требует решения сама метафизика, понимаемая как *истина* сущего в целом[15].

Мышление, преодолевающее метафизику, связано с ней в форме памятования о ней, Andenken[16]. Современность – это эпоха завершенной метафизики, т.е. в сущности сама эта метафизика в форме техники. Преодоление метафизики означает в то же время преодоление современности. Стоит последовать основной этической максиме философии – воздержания от суждения – и не спешить ограничивать хайдеггеровскую философию одними лишь задачами развенчания научной рациональности и усматривать в ней лишь отвержение "скудного времени", лишенной бытийных корней эпохи.

Коль скоро Хайдеггер понимает метафизику как историю бытия – что останется у мышления, которое вдруг решится отбросить метафизику? Внимательное и честное прочтение приводит к заключению, что в таком случае мышление либо исчезнет, либо будет вынуждено обратиться к самому завершению истории бытия как метафизики. Иными словами, преодоление возможно тогда, когда оно само находится в русле истории бытия. Речь идет о подлинной "онтологии современности"[17] – не только в объективном, но также

---

[14] О критике метафизики см.: *Veauthier F.W.* Zeitkritik als Metaphysikkritik // Martin Heidegger, Denker der Post-Metaphysik. Heidelberg, 1992. S. 19. Сравнение с критикой метафизики у Адорно и Хабермаса (S. 20–21).

[15] О начале процесса завершения метафизики Хайдеггер высказывался различно: "С Декарта начинается завершение западноевропейской метафизики" (H 91, KM 54). "Завершение метафизики начинается с гегелевской метафизики абсолютного знания как воли духа" (VA 76, ПМ 179).

[16] О возможных способах толкования "преодоления метафизики" у Хайдеггера см. очень важную статью Джанни Ваттимо: *Vattimo G.* Heideggers Verwindung der Moderne // Martin Heidegger, Denker der Post-Metaphysik: Symposium aus Anlaß seines 100. Geburtstags / Hrsg. v. F.W. Veauthier. Heidelberg: Winter, 1992. S. 49–66.

[17] Ibid. S. 64.

и в субъективном смысле родительного падежа. Ответ на вопрос, исходящий из самой современности.

Таким образом, критика метафизики находит свое конкретное выражение лишь в критике эпохи; в то же время критика эпохи становится понятной исходя из критики метафизики. Масштабом хайдеггеровской критики эпохи может служить "мера принадлежности той или иной эпохи к метафизике"[18]. Эпоха современности (Moderne) интересует Хайдеггера в той мере, в какой она предстает в свете истории метафизики, т.е. видится как завершение этой метафизики, ее конечное состояние. Впрочем конечное состояние может продлиться весьма долгое время[19]. Мера принадлежности современности к метафизике определяется для Хайдеггера развитием новоевропейской техники, а также безграничным господством субъекта.

Согласно Хайдеггеру, современную эпоху *в метафизическом отношении* характеризует техника в планетарном масштабе. Техника же есть не что иное, как завершение метафизики. Выражение "техника" совпадает для Хайдеггера с выражением "законченная метафизика" (VA 80, ПМ 182): "планетарность" техники есть в то же время планетарность законченной метафизики.

Здесь мы можем сформулировать вопрос, касающийся истоков критики техники: что составило тот *базисный опыт,* который *позволил увидеть разнообразные феномены современности и связать их с определенной метафизикой*? Очевидно, что хайдеггеровская постановка вопроса о технике, равно как притязание на преодоление метафизики возникают не на пустом месте. Вопрошание о бытии 1) сохраняет существенную связь с метафизикой и 2) как таковое возможно благодаря *ви́дению,* которое включает в себя *неви́дение.* Иными словами, узнавание метафизического (технического) характера времени (хайдеггеровская критика эпохи) изначально помещено в пространство *собственного понимания* (Selbstverständnis) европейской метафизики, одновременно оказывающееся *непониманием самой себя* в свете бытийно-исторического вопрошания.

4. ЯЗЫК "РАБОЧЕГО" У ХАЙДЕГГЕРА

Теперь, когда изданы ключевые трактаты Хайдеггера 30-х – начала 40-х годов (помимо "Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)" мы имеем в виду "Besinnung", "Die Geschichte des Seyns", "Κοινόν"), можно видеть, что хайдеггеровские размышления о нигилизме эпохи *непосредственно отсылают нас не только к сочинениям Ницше, но и к книгам Юнгера.* Можно даже утверждать, что присутствие Юнгера

---

[18] *Veauthier F.W.* Zeitkritik als Metaphysikkritik. S. 17.

[19] Ср.: "Если иметь в виду этот конец, который будет длиться очень долго (ein sehr dauerhafter Endzustand) и всегда казаться началом, то наука находится сегодня в наилучшей стартовой позиции" (E 156–157).

в перечисленных трактатах, а также в некоторых докладах и лекциях соизмеримо с присутствием Ницше. Однако даже при первом знакомстве с этими текстами (носящими во многом отрывочный характер замечаний) нельзя не заметить, что Хайдеггер обращается к наследию Ницше и работам своего младшего современника *по-разному*. С одной стороны, Ницше выступает у Хайдеггера как *равный собеседник*, с которым можно и нужно вступить в философский разговор. С другой – и это нераздельно с первым – Ницше (как, например, Гераклит, Платон, Гегель или Гёльдерлин) неизменно цитируется как "классик" Совершенно иначе обстоит дело с цитированием Юнгера, характер которого тем более удивителен, что Хайдеггер изучал Юнгера и, в частности, его "Рабочего", не менее глубоко и тщательно, чем сочинения Ницше, о чем свидетельствуют уже упоминавшиеся заметки из его наследия. Во-первых, имя Юнгера в трактатах, лекциях, докладах и статьях 30–40-х годов почти никогда не называется – за редким исключением, когда Хайдеггер пишет: "(vgl. Ernst Jünger, *Der Arbeiter*)" (EN 28, B 27–28, VA 71–72 и др.). Во-вторых, не менее удивительно то, что автор не упоминает имени Юнгера как раз там, где прямо цитирует его тексты. В кавычках Хайдеггер часто приводит: "Totale Mobilmachung" ("тотальная мобилизация"), "Herr" des "Elementaren" ("господин стихийного"), "das Totale" ("тотальное"), "das Planetarische" ("планетарное"), "heroischer Realismus" ("героический реализм") и др.; не менее очевидно происхождение таких словосочетаний, как, например, "Wesensgestalt des Arbeiters u. Soldaten" ("сущностный гештальт рабочего и солдата") и др. (без кавычек у Хайдеггера)[20]. В-третьих, очень часто Хайдеггер (явно или неявно) ссылается на Юнгера, когда развивает свои мысли как бы "от противного", вполне справедливо представляя слова типа "тотальная война", "тотальная мобилизация", "героизм" как некие расхожие фразы (см. ниже).

Это позволяет сделать ряд предположений: 1) Хайдеггера безусловно *интересует тот язык, который нашла для себя современность в "Рабочем"*; 2) этот язык актуален для него в свете интерпретации Ницше и потому является метафизическим языком, т.е. скрывает в себе метафизику эпохи завершенной современности, к которой он целиком и полностью принадлежит; 3) в той мере, в какой он связан с метафизикой "воли к власти", он способен дать *адекватный опыт действительности, т.е. показать ее так, как она есть*.

Уже при первом взгляде на трактаты и выступления второй половины 30-х годов становится ясно, *насколько продуктивным было введение языка "Рабочего" в ткань собственных бытийно-исторических размышлений Хайдеггера*. Под языком "Рабочего" мы подразумеваем такие понятия, как "Herrschaft" ("господство"),

[20] Указание страниц см. ниже.

"Haltung" ("выправка"), "Arbeiter" ("рабочий"), "Kampf" ("борьба"), "Angriff" ("атака") и др. Они не являются специфически юнгеровскими, поскольку встречаются в работах многих философов консервативного направления (например, О. Шпенглера, О. Шпанна, Г Фрайера, М. ван ден Брука), равно как и национал-социалистических идеологов (А. Розенберг, Й. Геббельс). Однако в контексте нашего вопроса мы понимаем их именно как *язык "Рабочего"*, необходимый Хайдеггеру для вскрытия завершенной метафизики и нигилизма эпохи. Иными словами, эти понятия, использованные в "Рабочем" для описания "форм изменившегося мира" (А 9, Р 60), впервые открываются Хайдеггеру в *истинном* их значении, т.е. *показывают сущее в его истине*, что нисколько не мешает им в то же время служить расхожему мировоззрению, которое, скорее, затуманивает их смысл.

5. ПОИСКИ ЯЗЫКА. КРИТИКА НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА И ТЕХНИКИ

Как убедительно показал Сильвио Вьетта, формирование критики техники Хайдеггера с самого начала шло рука об руку с критикой национал-социализма[21]. Критическая позиция Хайдеггера в отношении нацизма отчасти начала формироваться уже в 1933–1934 гг. (поданное 23 апреля прошение об отставке было удовлетворено 27 апреля), когда ему стало ясно, что представление об обновлении немецкого университета не имеет ничего общего с нацизмом.

В действительности философское размежевание с национал-социализмом происходило главным образом после 1936 г. Не позже 1938 г. Хайдеггер со всей ясностью определил идеологию и практику национал-социалистского режима как форму нигилизма, "оставленности бытием" Однако уже в первые годы господства национал-социализма Хайдеггер понял, в какой мере он использует технику в целях утверждения своей власти, увидел в технике притязание на власть новоевропейского субъекта – именно так сложившуюся критику техники Хайдеггер развивал дальше после 1945 г.

Огромное значение для сложившейся в таком виде критики техники в контексте современной эпохи имело обращение философа к Ницше. С. Вьетта пишет по этому поводу: «Уже тот факт, что Хайдеггер начиная с 1936 г. читал о Ницше и при этом все отчетливее и заметнее выдвигал на передний план ницшевский анализ нигилизма; то, что он в 1940 г. – на раннем этапе второй мировой войны – поместил слово "нигилизм" в заголовок лекции, – было первостепенным

---

[21] *Vietta S.* Heideggers Kritik am Nationalsozialismus and an der Technik. Tübingen, 1989. S. 10–11.

политическим актом, совершенным философом в тоталитарной системе национал-социализма»[22].

Рассмотрим теперь формирование основных положений критики эпохи в отдельных текстах Хайдеггера 30–40-х годов, пытаясь ответить на вопрос: *какова та роль, которую сыграл "Рабочий" в понимании нигилистического характера современности?*

Прежде всего следует остановиться на ректорской речи Хайдеггера "Самоутверждение немецкого университета", прочитанной при вступлении в должность во Фрайбургском университете 27 мая 1933 г. Любопытно, что во всей речи называется один-единственный философ, и этот философ Ницше. Ссылка на Ницше в выступлении философа, которое, разумеется, выходило за рамки сугубо научно "инаугурационной" речи и звучало как выступление политическое *par excellence*, приводится Хайдеггером в контексте осмысления своего времени, его требований и судьбоносных задач. Слова Ницше "Бог мертв" Хайдеггер понимает как призыв "всерьез отнестись к оставленности сегодняшнего человека посреди сущего" (R 13). Исходная точка речи без остатка принадлежит современности. Более того, в своем вопрошании Хайдеггер стремится опереться на философа, который как никто другой понял глубину кризиса современности. Этот кризис Хайдеггер ощущает как "утрату смысла" и "оставленность" Вслед за Ницше *нигилизм понимается как характер собственной исторической эпохи, ее судьба.*

Примечателен и *язык* Хайдеггера, во многом зависящий от метафор воли к власти[23]. "Сущность немецкого университета" должна достичь "ранга и власти", "самоутверждение немецкого университета" – это изначальная, общая воля к его сущности. Центральная часть речи посвящена прояснению задачи обретения немецким университетом "власти начала" (Macht des Anfangs), понимаемого как начало духовно-исторического бытия европейского человека (R 9, V 299). Сущность немецкого университета оказывается далее предметом воли учащих и учащихся, которые борются за нее. "Волим мы существо немецкого университета или мы не волим его? От нас зависит будем ли мы и насколько будем трудиться ради самоосмысления и самоутверждения от основания, а не только попутно, или же – с наилучшими намерениями – будем лишь менять старые распорядки и налаживать новые. Никто не помешает нам делать это", "Niemand wird uns hindern, dies zu tun" (R 19, Y 304). Язык Хайдеггера в ректорской речи – как бы мы ни толковали слова "Führerschaft",

---

[22] Ibid. S. 51. Ср.: *Бибихин В.В.* Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 8: "В годы, когда Гитлер начинает и проигрывает войну за контроль над планетой, Хайдеггер думает и говорит о нигилизме как последнем забвении бытия". См. также: *Figal G.* Heidegger zur Einführung. Hamburg, 1992. S. 162: «"Почвеннический" (völkisch) характер национал-социализма – для Хайдеггера не что иное, как симптом нигилизма».

[23] Это замечание мы встречаем у Сильвио Вьетты: *Vietta S.* Op. cit. S. 12.

"Gefolgaschaft" – представляет собой прекрасный образец языка эпохи и к нему можно с полным правом применить обозначение языка "вооружения" (Rüstung), которое Хайдеггер позднее будет применять к языку "Рабочего"[24]. На первом плане заметен пафос войны, борьбы, воли.Требование обязательности (Verpflichtung) мышления перекликается с такими лозунгами, как "трудовая повинность", "воинская повинность", "научная повинность" (Arbeitsdienst, Wehrdienst, Wissensdienst).

Таким образом, развитие Хайдеггера в первой половине 30-х годов можно вполне рассматривать как поиски языка. И критика языка "Рабочего" как языка завершенной метафизики оказывается не чем иным, как пересмотром собственной позиции, выраженной в ректорской речи. Поворот в сторону от языка и философии воли к власти отражен в "Вопросах философии (О событии)" (см. в особенности гл. V, "Die Gründung"), которые создавались в 1936–1938 гг., когда Хайдеггер стал говорить о преодолении исторической эпохи, связанной с метафизикой воли.

Необходимо отметить, что хайдеггеровская критика национал-социализма и техники развивается не в социологическом или политическом горизонте, а соотносится с критикой метафизики и историей бытия. Это видно на примере большого доклада "Обоснование новоевропейской картины мира метафизикой", прочитанного во Фрайбурге-в-Брайзгау 9 июня 1938 г. Его переработанный текст был включен под новым заголовком "Время картины мира" в первую послевоенную книгу Хайдеггера, сборник "Holzwege" ("Лесные тропы") (1950).

"В метафизике происходит осмысление существа сущего и выносится решение о существе истины. Метафизика лежит в основе эпохи, определенным истолкованием сущего и определенным пониманием истины закладывая основание ее сущностного образа. Этим основанием властно пронизаны все явления, отличающие эпоху. И наоборот, в этих явлениях для достаточно внимательного осмысления должно раскрываться их метафизическое основание" (H 69, KM 41). В обозначенной здесь критике эпохи Хайдеггер пытается ввести современность и ее симптомы из первых предпосылок – начал, понимаемых в смысле ἀρχαί (немецкое Macht, услышанное во всей широте, как раз и отсылает к такому началу). Все пять факторов современности – "наука", "машинная техника", эстетизация искусства, определение человеческой деятельности как культуры, "обезбожение" – сводятся к единой основе, новоевропейскому процессу опредмечивания совокупности сущего, мира пред-ставленного в представлении субъекта в виде картины (Bild). Такое истолкование

---

[24] Мы хотим лишь указать на специфические особенности языка Хайдеггера. О том, сколь огромно различие между речью Хайдеггера и мировоззренческими выкладками идеологов Третьего рейха, см.: Ibid. S. 13–15.

сущего и истины – собственно, новоевропейская метафизика субъекта, обосновывающего мир в себе самом и претендующего на господство над всем сущим – связывается Хайдеггером со своей эпохой, которая определяется для него господством национал-социализма[25].

Текст доклада 1938 г. может быть понят как критика национал-социализма в том смысле, что последний выступает как наиболее яркий симптом модернизации с ее техническим проникновением во все области жизни, с ее претензией на тотальное опредмечивание мира и сопровождающий его "гигантизм" (das Reisenhafte) – следствие количественного подхода к миру (H 87, KM 52). Кроме того, здесь осуществляется переход от критики национал-социализма к критике техники. В манускрипте доклада есть разночтения с более поздним текстом; их анализ позволяет продемонстрировать отдельные моменты формирования критики эпохи у Хайдеггера[26].

Текст 1938 г.: "Der Wissenschaftler" drängt *von sich* aus notwendig in den Umkreis der Wesensgestalt des Arbeiters u. des Soldaten Ученый" *сам собой* необходимо вторгается в сферу, принадлежащую сущностному (характерному) гештальту рабочего и солдата"

Текст 1950 г.: "Der Forscher drängt von sich aus notwending in den Umkreis der Wesensgestalt des Technikers im wesentlichen Sinne" "Исследователь сам собой необходимо вторгается в сферу, принадлежащую фигуре техника в существенном смысле" (H 78)[27].

Оба текста далее продолжают: "So allein bleibt er wirkungsfähig und damit im Sinne seines Zeitalters wirklich" "Только так он сохраняет свою действенность и тем самым действительность (актуальность) для своей эпохи"

Сравнение фрагментов показывает, что в тенденции технической модернизации, связываемой Хайдеггером с идеологией "Движения" с его установкой на милитаризацию человека и пропагандой работы, – в строгом соответствии с заявленной в начале задачей "осмысления" – вскрывается определенная метафизика, а именно метафизика "гештальта рабочего" У Юнгера – "die Gestalt des Arbeiters", у Хайдеггера – "Wesensgestalt des Arbeiters u. des Soldaten"[28]. Исследователь, или ученый, является современным, т.е. соответствует истине своей эпохи лишь тогда, когда он, говоря языком Юнгера, "репрезентирует гештальт рабочего" Очевидно, что Хайдеггер – и не только в этом фрагменте – точно следует диагнозу современности,

---

[25] О реакции национал-социалистских кругов на речь Хайдеггера см.: Ibid. S. 20–22.

[26] Далее мы используем результаты текстологических исследований С. Вьетта, который работал с рукописью доклада, хранящейся в Немецком литературном архиве в Марбахе-на-Неккаре: Ibid. S. 35 ff.

[27] Ср. пер. В.В. Бибихина (KM 47).

[28] Сущностный гештальт "рабочего" и "солдата" в связи с Ницше и без упоминания имени Юнгера рассматривается также в тексте "Основные понятия" (летний семестр 1941 г.). См.: *Heidegger M.* Grundbegriffe. / Hrsg. v. P. Jeger. 2., durchgesehene Aufl. Frankfurt a. M., 1991. II. Abt., Bd. 51 S. 35–39.

поставленному Юнгером в "Рабочем". Действительно, современный человек мыслится здесь не просто как техник. "Der Techniker im wesentlichen Sinne" – это и есть юнгеровский воин-рабочий, связанный с "тотальной мобилизацией" как *основной* чертой современной действительности.

В "Добавлениях" к тексту 1950 г. Хайдеггер еще теснее связывает новоевропейское мышление как пред-ставление с "сущностным гештальтом рабочего и солдата", мобилизующего мир. "Представление – уже не раскрытие себя вещам, а схватывание и постижение. Не власть присутствующего, а господство хватки" (H 100, KM 59). Последняя фраза "Nicht das Anwesende waltet, sondern der Angriff herrscht" отсутствует в докладе. "Хватка" (от "greifen"), стоящая в русском переводе, правильно улавливает познавательный жест новоевропейского человека, схватывающего объекты в своем представлении и экспериментирующего с ними. Но перевод в то же время упускает важное для Хайдеггера и актуальное для его современников значение немецкого "Angriff" – "атака", "нападение" Хайдеггровское "Angriff", помещенное в контекст критики метафизики, относится к диагностике современной эпохи, как она формулируется в "Рабочем" Юнгер неоднократно говорит о "субстанциальной атаке", об "атаке на бюргера", "атаке на либеральное понятие свободы", "атаке не всеобщее образование", употребляя слово "Angriff" и в конкретном значении "химической атаки", "атаки и обороны" и т.д. Осмысляя метафизические основания эпохи, Хайдеггер показывает, как новоевропейское притязание на обоснование бытия в субъекте (Subjektivität) обнаруживает метафизический характер атаки, совпадающий с *военным* характером техники[29].

6. ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ МЕТАФИЗИКИ И МЕТАФИЗИКА ГЕШТАЛЬТА. ЛЕКЦИИ О НИЦШЕ

Каким же образом метафизика "Рабочего", которую Хайдеггер интерпретирует как метафизику гештальта, встраивается в историю метафизики?[30] Давая ответ на этот вопрос, мы не сможем, разумеется, обойти стороной фигуру Ницше, благодаря которому Хайдеггер не только "отчеканивает" свою критику современности, но и создает собственную концепцию истории метафизики как забвения бытия.

Обращение к Ницше идет рука об руку с формированием оценки нигилистического характера национал-социализма. В качестве

---

[29] Ср. начало 47 параграфа главы "Техника как мобилизация мира гештальтом рабочего" (A 165–166, P. 245–246).

[30] Показать значимость метафизической интерпретации "гештальта", противопоставив его толкованию "гештальта рабочего" как *всего лишь* фикции (Рудольф Ибель, Альфред фон Мартин, Рейнер Грюнтер, Вернер Кольшмидт), пытается Ф. Дросте: *Droste V* Ernst Jünger: "Der Arbeiter". Stuttgart, 1981. S. 3 ff., 22 ff.

основной категории современной истории все яснее начинает выступать ницшевская категория "воли к власти" Хайдеггер трактует ее в смысле "воли к воле", предельно заостряя тем самым ее нигилистический характер. Именно в ней приходит к завершению западноевропейская метафизика как история господства субъекта.

Лекции о Ницше Хайдеггер читал в конце 30-х – начале 40-х годов во Фрайбургском университете. В переработанном виде все лекции вместе с отдельными трактатами середины 40-х годов вошли в двухтомник "Ницше", изданный лишь спустя два десятилетия, в 1961 г. Рассмотрим одно ключевое место из лекций "Ницше: европейский нигилизм. Лекции 1940 г." заключительной части курса. Хайдеггер совершает экскурс в историю античной философии, устанавливая фундаментальную "онтологическую разницу" между бытием и сущим. Именно здесь он находит корни юнгеровской метафизики гештальта.

"Ницше: европейский нигилизм" часть III, глава 2, § 27 рассматривает "онтологическую разницу" в метафизике[31]. Различение бытия (das Sein) и сущего (das Seiende) – неизведанное и необоснованное, но тем не менее повсюду применяемое основание всей метафизики (EN 286, EH 152). В соответствии с притязанием мыслить греческие понятия по-гречески (EN 293, EH 156) Хайдеггер отграничивает платоновскую "идею" от "идеи" в новоевропейском смысле, понимаемой как "представление" (Vorstellung). Действительно, платоновская идея как бытие не может быть тем, что субъект имеет в своем сознании как объект, предмет (Gegenstand). ἰδέα употребляется у Платона в том же значении, что и εἶδος. Последнее имя Хайдеггер переводит немецким словом "Aussehen" Этот субстантивированный глагол указывает на то, как нечто выглядит. Иначе говоря, "эйдос" относится к "виду"[32] сущего. «... "Вид" сущего, например дома, его, стало быть, домашность есть то, чем это сущее приходит к явленности, т.е. к присутствованию, т.е. к бытию» (Ibid.). "Отдельные вещи не являются собственно сущим, но лишь позволяют идее про-явиться так-то и так-то. Поэтому Платон называет отдельные сущие вещи μὴ ὄν; это не прямо ничто, а некое ὄν, сущее, но так, как оно, собственно, не должно было бы быть... Всегда ἰδέα и только она отличает сущее как сущее. Поэтому во всяком присутствовании (in allem Anwesenden) первой и прежде всего приходит к явленности ἰδέα. Бытие по своему собственному существу есть πρότερον, априори, раннее, хотя не в порядке постижения нами, но в отношении того, что первым кажет само себя в *шаге к нам*, что само от себя в движении к

---

[31] Nietzsche: Der europäische Nihilismus (II. Trimester 1940). / Hrsg. v. P. Jaeger. Frankfurt a. M., 1986. II. Abt., Bd. 48. Книга "Европейский нигилизм" (EH), к русскому переводу которой отсылают указанные в скобках страницы, является выборкой из двухтомника "Ницше", которая, разумеется, не всегда текстуально совпадает с первоначальным текстом лекций (EN).

[32] Этот перевод В.В. Бибихина мы считаем наиболее удачным.

нам выходит к присутствию в свободном просторе" (EN 294–295, EH 157). Таким образом, различение бытия (существования сущего) и сущего, образует основу метафизики, придающей бытию "априорный" характер.

Здесь необходимо вернуться к статье «О "линии"», в которой, как мы сказали, содержится ключ к метафизической интерпретации "Рабочего" Основная интерпретационная линия Хайдеггера – рассмотрение юнгеровского понятия "гештальта рабочего" как части метафизики, которая отвечает на традиционный философский вопрос о сущем как сущем. Говоря о связи гештальта с бытием и идеей, Хайдеггер утверждает, что труд Юнгера "*остается укорененным (beheimatet) в метафизике*" (WM 395), обретает в ней свою родину. Как мы видели, сам Юнгер отделял свой гештальт от "голой идеи", усматривая в нем родство скорее с монадой Лейбница или прарастанием Гёте. Впрочем Хайдеггер с присущим ему историко-философским чутьем угадывает здесь отказ от "идеи" как мысли, пред-ставления субъекта в нововременном смысле percеptio. Существенно, что гештальт, с одной стороны, доступен только зрению, ви́дению, а с другой – имеет онтологическое измерение: Юнгер называет его "покоящимся бытием". Речь, стало быть, идет не о психологическом процессе восприятия, а об онтологическом ви́дении. «Это то ви́дение, которое у греков называется ἰδεῖν; это то слово, которое Платон употребляет для взгляда, узревающего не изменчивое, воспринимаемое чувственно, а неизменное, бытие, ἰδέα. ...Вы называете гештальт "покоящимся бытием" Покоящееся бытие остается для греческой мысли чисто отличным (different) по сравнению с изменчивым сущим. Такая разница между бытием и сущим является тогда – если смотреть от сущего к бытию – как трансценденция, т.е. как мета-физическое» (WM 395). Кроме того, отношение сущего к бытию состоит в том, что бытие в своем при-сутствии (das Anwesen) про-является (her-vorbringt) сущее как при-сутствующее (das Anwesende). Хайдеггер следует далее платоновскому пониманию про-явления как запечатления, накладывания отпечатка (см.: Theaet. 192a, 194b). Ведь сам Юнгер дает руководящую нить для того, чтобы правильно видеть его гештальт: "Об иерархии в царстве гештальта выносит решение не закон причины и следствия, а иной закон – печати и оттиска; и мы увидим, что в эпоху, в которую мы вступаем, оттиск на пространстве, времени и человеке сводится к одному-единственному гештальту, а именно: гештальту рабочего" (A 33, P 86).

Так устанавливается очевидное соответствие в понимании гештальта как покоящегося бытия, которое становится явленным в подвижном сущем. Гештальт дает о себе знать как печать, τύπος. В то же время для Хайдеггера в понятии гештальта уже содержится тот шаг, проделанный европейской метафизикой, – здесь очевидно влияние новоевропейского представления о наложении отпечатка (Stempel und Prägung) как наделении смыслом (Sinngebung). И в

самом деле, Юнгер, что очень существенно для его концепции в целом, рассматривает гештальт как "источник наделения смыслом" (A 154, P 232). Впрочем при всем очевидном для Хайдеггера сходстве метафизики гештальта в "Рабочем" с платоновской и картезианской традицией, Юнгер все-таки оказывается наиболее близким к фигуре Ницше и эпохе завершения метафизики нового времени. Хайдеггер продолжает свою мысль: «Источник наделения смыслом – прежде наличная (präsent) и таким образом накладывающая на все отпечаток власть – есть гештальт как гештальт *человечества* (Menschentum): "гештальт рабочего" Гештальт покоится в сущностной структуре (Wesensgefüge) человечества, которое лежит в основе всего сущего как субъект. Не Я (Ichheit) изолированного человека, не принцип эго (Egoität), а именно наличие человеческого склада (типа), сформированное гештальтом (die vorgeformte gestalthafte Präsenz), образует предельную субъектность, которая обнаруживается в завершении новоевропейской метафизики и представляется ее мыслью» (WM 396).

Итак, важно то, что на передний план у Юнгера в этой *бытийно-исторической интерпретации Хайдеггера* выходит человеческая сущность (Menschenwesen), хотя, как отчетливо говорится в тексте, гештальт рабочего и его господство уже не считаются чем-то субъективным или даже субъективистским. Сравнивая фигуру рабочего с фигурой Заратустры, точнее говоря, "метафизическое ви́дение гештальта рабочего" с "наброском сущностного гештальта Заратустры внутри метафизики воли к власти", Хайдеггер спрашивает: "Что таится в этом явлении объективной субъектности субъекта (бытия сущего), который мыслится как человеческий гештальт, не как отдельный человек?" (Ibid.). И он видит возможность ответа в том, что "в случае узрения гештальта как источника наделения смыслом речь идет о *легитимации* бытия сущего" (Ibid.). Стало быть, "субъектность субъекта" есть то, что оказывается основой объективности любого сущего, его мерой, и тем самым – независимой от самого человека, неподвластной ему. В самой по себе человеческой сущности, в "Dasein человека", нет ничего человеческого (WM 397) – так Хайдеггер предлагал понимать и свой "анализ Dasein" в работах "Бытие и время" и "Кант и проблема метафизики" "Идея человеческой сущности" как присутствие (Präsenz), которое лежит в основе всего присутствующего и позволяет человеку представлять сущее как репрезентированное, есть удостоверение сущего в его бытии (Ibid.). Так сущее легитимировано, т.е. удостоверено до самого отдельного взятого человека.

Эта интерпретация основывается на внимательном прочтении первой части "Рабочего", где Юнгер подробно останавливается на новом отношении рабочего к власти: власть легитимируется гештальтом рабочего (т.е. является его репрезентацией), а легитимация

в свою очередь удостоверяется тем, что эта власть способна поставить себе на службу "новое человечество"[33].

Вернемся к началу лекций о "Европейском нигилизме". В самом начале изложения Хайдеггер выделяет "пять главных рубрик философии Ницше": "нигилизм", "переоценка ценностей", "воля к власти", "вечное возвращение подобного", "сверхчеловек" (N II 40, EN 10, EH 68). Во всей классификации, однако, понятие нигилизма выделяется тем, что образует общий задний план. Для читателя Хайдеггера очевидно, что именно нигилизм служит исходной точкой и конечным пунктом в продумывании метафизики Ницше.

«Установление истины о сущем в целом составляет существо метафизики... В качестве основополагающей черты сущего в целом Ницше продумывает и учреждает то, что он называет "волей к власти" Этим понятием не просто охватывается то, *что есть* сущее в своем бытии» (EN 6, EH 65). В связи с этим задача мыслителя-одиночки определяется так: "Дать слово тому, *что есть* сущее в истории своего бытия" И философия Ницше дает необходимый опыт сущего: «Все сущее, насколько оно *есть* и есть *так*, как оно есть, – это "воля к власти"» (Ibid.).

Уже в первой главе первой части (в разделе "Wiederholung", примыкающем к 4 параграфу «Нигилизм как "обесценка высших ценностей" и не вошедшем в двухтомник "Ницше") Хайдеггер – вслед за приведенной экспликацией сущности власти – делает ссылку (в скобках) на Юнгера (EN 28). Ее контекст таков. Понятие "воли к власти", впервые продумываемое в философии Ницше, в последующее время (подразумевается, у современников Хайдеггера) породило множество недоразумений. Эта критика адресована в первую очередь тем, кто злоупотреблял мыслью Ницше о "воле к власти", используя ее в пропагандистских и идеологических целях. Это – с одной стороны. С другой стороны, Хайдеггер выделяет из этого ряда идеологических искажений другие, более серьезные попытки (ernstere Bemühungen) пробиться к подлинному смыслу учения Ницше. *Но даже в них* "воля к власти" остается непонятой и неузнанной (unerkannt), и далее упоминается единственная "серьезная попытка": "(z.B. bei *Ernst Jünger*, Der Arbeiter, 1932)" Эта почти незаметная ссылка важна для нас тем, что демонстрирует отказ Хайдеггера признавать за "Рабочим" Юнгера способность к философскому *осмыслению*. Ранее мы сказали о значении диагноза "Рабочего" для формирования хайдеггеровской критики эпохи (язык "Рабочего" как "инструмент"). Теперь мы можем уточнить это отношение: *Хайдеггер использует юнгеровский диагноз эпохи совершенного нигилизма для своей концепции метафизики, но отрицает за "Рабочим" способность осмысления фундаментального понятия этой самой эпохи – "воли к власти" "Рабочий" продолжает метафизику*

[33] Ср., в частности 21 и 22 параграфы "Рабочего"

Ницше и доводит ее до логического завершения, не выходя за пределы нигилизма и мышления в ценностях.

Основа западноевропейского нигилизма – не только забвение бытия, но и, как следствие, ничто[34]. Бытие истолковывается западноевропейским планирующе-упорядочивающим субъектом как существование, находящееся в распоряжении. Бытие становится предметом для представляющего субъекта. В той мере, в какой нигилизм есть судьба новоевропейского человека и его метафизики, для него характерно сущностно не понимать сущности ничто. Таким образом, концепции "воли к власти" ("вечного возвращения", "сверхчеловека" и др.) и "гештальта рабочего" являются для хайдеггеровской истории метафизики не чем иным, как предельным выражением притязания мышления на господство над опредмеченным миром, т.е. завершением движения нигилизма[35].

7. "MACHENSCHAFT" (УСТРОЕНИЕ СУЩЕГО) И ЯЗЫК "РАБОЧЕГО" "ОСМЫСЛЕНИЕ" (1938–1940)

Трактат "Осмысление" ("Besinnung") создавался в 1938–1939 гг., т.е. в одно время тремя трактатами: "История бытия" (1938–1940), "Κοινόν. Из истории бытия" (1939–1940) и "Преодоление метафизики" (1938–1939). Вместе с тем все эти сочинения непосредственно связаны с "Вопросами философии (О событии"), над которым Хайдеггер работал с 1936 г.[36] Основные темы трактата – "Machenschaft", "техника", "бытие (Seyn) и власть", "Осмысление", "мышление бытия", "забвение бытия" и его связь с "историей бытия", "боги и бытие", "бытийно-историческое мышление" и "метафизика"

Здесь нас будут интересовать лишь отдельные (достаточно целостные) фрагменты, посвященные "Machenschaft" и ее отношению к технике. В частности, мы попытаемся выявить в § 8–10 скрытую критику языка "Рабочего" и в то же время показать его конструктивную роль в деле осмысления сущности эпохи завершения нового времени.

"Machenschaft" – одно из ярких "запечатлений", говоря словами самого Хайдеггера, поиска того языка, на котором можно говорить *о* метафизике, имея в виду постановку вопроса о бытии. Наиболее подходящее имя для бытия (Seyn) – это "событие" (Er-eignis), которое не зависит от активности человека (menschenentzogen). Мышление, которое должно со-ответствовать событию, – это мышление, преодолевающее метафизику. В "Machenschaft" впервые "определя-

---

[34] Ср.: "Что такое метафизика?" (1929).

[35] Ср. Н 200, БМ 174.

[36] См.: Nachwort des Herausgebers // Die Geschichte des Seyns. Gesamtausgabe. / Hrsg. v. P. Trawny. Frankfurt a.M., 1998. III. Abt., Bd. 66. S. 227.

ется существование сущего, оставленного бытием" (B 17). А именно, сущее определяется так, что становится горизонтом для делания человеческого субъекта (Machbarkeit). "Machenschaft" – это то, что под маской насилия требует "полной ясности и отчет-ливости подчиняющего овладения сущим с целью учредить его так, чтобы оно находилось в распоряжении" (die im voraus vollständig übersehbare Rechenschaftigkeit der unterwerfenden Ermächtigung des Seienden zur verfügbaren Einrichtung). Хайдеггер пишет: "verfügbare Einrichtung" Ein-richten означает: учредить, т.е. встроить в ряд или в порядок, соответственно основать, устроить. Предметом подобного устроения является все сущее. Поэтому когда сущее устроено и упорядочено, его можно исчислять и, соответственно, распоряжаться им, а стало быть из требования "Machenschaft", "устроения сущего", проистекает новоевропейская техника. Обратив внимание на понятие "тотального характера работы" у Юнгера, мы можем видеть, в какой мере формулируемая здесь критика современной техники основывается на увиденном Юнгером, т.е. на определении сущности техники как "тотальной мобилизации".

Несмотря на то что Хайдеггер признает значимость юнгеровского определения техники, он изначально дистанцируется от метафизического языка "Рабочего" Последний не способен узнать "Machenschaft" как "сущность сущего" и, соответственно, по-настоящему определить сущность власти. Рассмотрим § 9 трактата "Осмысление", где Хайдеггер критически разбирает несколько способов определения характера современности.

«Говорят о "динамическом" и подразумевают, не определяя сущности силы, самозахлебывание запущенной в действие силы.

Именуют "тотальное" и полагают свойством сущности власти то, что она не может терпеть вне области своего воздействия ничего из того, что еще могло бы называться "действительным"

Указывают на "имперское" и затрагивают приказной характер власти, которой претит обращаться с просьбами, вести переговоры или выжидать случая; ибо к свойственному ей преодолению себя самой необходимым образом принадлежит приказывающее подчинение всего того, что должно поступить в ее распоряжение (Verfügungsumkreis).

Упоминают "рациональное" и касаются характера вычисления во всех областях, подчиняющихся приказу (Befehlsmäßige), которые очерчивают сферу распределения и направления силы.

Указывают на "планетарное" и желают сказать, что превосхождения власти себя самой (Machtermächtigungen) не только "тотальны" в себе (в отношении государства, народа), но и ограничивают себя лишь пределами обжитого земного шара и его сферы распоряжения (атмосферы и стратосферы), и это одновременно должно означать, что планета в целом пускается "в ход" как властное образование и оттого становится неизбежным изобретение планетарного противника» (B 18).

Для Хайдеггера все эти анонимные определения по большому счету – неудача. Хотя они и претендуют на обозначение сущности власти, намекая на "приказ", "вычисление" и т.д., однако никогда – в сущностном отношении – недостаточны для того, "чтобы узнать Machenschaft как таковую, т.е. постичь ее в истории бытия (seynsgeschichtlich) как форму господства уклоняющегося (ускользающего) бытия и его безосновной истины (als ein Herrschaftsform des Sichverweigernden Seyns und seiner ungegründeten Wahrheit) (B 18–19). В языке Хайдеггера слово "Verweigern" указывает на событие, неподвластное человеку, который стал бессильным для Da-sein, отдавшись движению техники (E 8). Собственно, "verweigern" употребляется в данном контексте во фразеологическом значении "den Befehl verweigern", "Kriegsdienst verweigern" Перед нами хороший пример, показывающий как Хайдеггер пытается дистанцироваться от языка "Рабочего", говорящего о "приказе и подчинении" (F 74, P 136; S 162, Б 493).

Такое своеобразное употребление понятий "тотальное", "имперское", "рациональное", "планетарное" ("Man spricht vom "*Dynamischen*" und meint... Man nennt das "*Totale*" und denkt... Man deutet auf das "*Planetarische*" und will sagen...")[37], с одной стороны, указывает на их принадлежность расхожему мировоззрению. С другой стороны, речь идет о метафизическом языке, *который имеет существенное историческое значение именно потому, что закрывает доступ к вопросу о бытии,* проистекающему из бытийно-исторического мышления (ср. § 130–131 "Das Ende der Metaphysik" и «Metaphysik und "Weltanschauung"»). Этот метафизический язык связывается Хайдеггером с позицией "героического реализма"

Позиция "героического реализма" "вырастает" из "поверхностного опыта и толкования Machenschaft в смысле упомянутых характеристик ("тотальное", "имперское", "рациональное", "планетарное" – *А.М.*)» (B 19). Занимающий эту позицию прибегает к "голому утверждению самопревосхождения власти", сводящей все к "безудержному повышению мощи", и «надеется ухватить и признать то, что "есть"». Ухватить то, что есть, – задача метафизики. Однако "героизм", говорящий "Да" "действительному", "несет в себе все признаки "капитуляции" перед наличным (das Vorhandene) как таковым, определенным machenschaftlich, т.е. перед сущим, оставленным бытием..." (Ibid.). Наоборот, мысль, которая возвращается к началу, никогда не понимает сущее как "*действительность*" (Wirklichkeit), т.е. действующее, имеющее силу. Как мы видели, новоевропейский человек, по Хайдеггеру, оценивает все (и в том числе бытие), исходя из критериев силы и бессилия, пользы и недостат-

---

[37] Характерные примеры такого "цитирования" мы находим и в ранних лекциях Хайдеггера, которые нельзя отнести ни к реминисценциям, ни к цитате в строгом смысле слова.

ка, и потому "никогда не сможет услышать слово о бытии и помыслить истину" (B 192).

"Героический реализм", мнимо высшая форма знания о сущем и высшая форма отношения к сущему, ведет лишь к самому скрытому способу ускользания от бытия (Ausweichen vor dem Sein); он является ярким запечатлением забвения бытия" (B 19–20). При всем том для Хайдеггера очевидно, что здесь присутствует отчетливейший взгляд на то, что "есть"; и тем самым позиция "героического реализма" доказывает свою своевременность (соразмерность эпохе – Zeitgemäßes) в эпоху начала завершения нового времени" (B 20). Иными словами, Хайдеггер фиксирует историческую значимость диагноза Юнгера[38].

Итак, все попытки истолковать скрытую историю эпохи (die verborgene Geschichte des Zeitalters) остаются поверхностными и бесплодными (Ibid.), потому что из них не рождается "*решение*" (Entscheidung), понимаемое как "осмысление существа эпохи (Besinnung auf das Wesen des Zeitalters), которая состоит в *завершении нового времени*" (B 23)[39]. Осмысление нуждается в знании о сущности "своей" эпохи, т.е. той эпохи, которую оно уже оставило позади себя и должно оставить позади себя в тот момент, когда начинается его завершение. Иными словами, осмысление принадлежит "своей" эпохе, узнавая ее и узнавая в ней самое себя, однако оно тем и отличается от "героического реализма", что не тождественно "бездумному" принятию "действительности" Напротив, постигнув эпоху, осмысление уже преодолело ее. Но что является необходимым историческим условием такого "скачка"? Очевидно, кризис эпохи, который делает явным начало завершения нового времени. Кроме того, этот кризис носит метафизический характер, потому что завершение эпохи для Хайдеггера – это в то же время и завершение метафизической истории Запада, коль скоро сама метафизика неявно лежит в основании истории. Таким образом, в тот момент, когда само завершение метафизики определяет и полагает начало завершения нового времени, осмысление необходимым образом преодолевает метафизическое мышление.

В § 10 Хайдеггер развивает свою мысль. «Завершение метафизической эпохи возвышает бытие в смысле "Machenschaft" до такого "господства", что в нем происходит забвение бытия». Так остается одно лишь сущее: им распоряжаются, его учреждают. Характерной чертой "Machenschaft" как устроения сущего является то, что

---

[38] О критике "героизма" см. также: GS 46.

[39] Принятие решения происходит не в "акте" отдельных людей, "решение – это толчок самого бытия (der Stoß des Seyns selbst). О "решении" см. также: E, I. Vorblick, § 43–49. Близость Хайдеггера с его понятием "решения" к К. Шмитту и Э. Юнгеру рассматривается в книге социолога фон Крокова: *Krockow C.G. von.* Die Entscheidung. Stuttgart, 1958.

оно "наделяет действительность ее единственным смыслом" (der Wirklichkeit ihren einzigen Sinn gibt). Как мы видели, "наделение смыслом" Хайдеггер связывал в истории метафизики с "гештальтом рабочего". Собственно, этот параграф как бы раскрывает конечную цель пути, начатого в § 8 с размышлений о "Machenschaft" и сущности власти. Его цель – показать завершение ницшевской метафизики "воли к власти" в "свою" эпоху.

«Единственные стремящиеся к завершению нового времени и достойные рассмотрения *развертки* последней западноевропейской метафизики – метафизики Ницше – это метафизика цезаризма *О. Шпенглера* и метафизика "рабочего" *Э. Юнгера.* Первый представляет человека как "хищника" и усматривает происходящее завершение и – конец в господстве "цезаря", которому служит масса, учрежденная экономикой, техникой и мировыми войнами; второй мыслит гештальт "рабочего" планетарно (не экономически, не социально, не "политически") как то, в чем человечество нового времени становится составной частью "органической конструкции" сущего в целом» (В 27–28). И "цезарь" (как великий одиночка) и "рабочий" (как склад) для Хайдеггера – не окончательные определения, они остаются "более или менее удачной попыткой схватить существо сверх-человека" На обоих путях развертывания метафизики Ницше сущее в целом мыслится "machenschaftlich", а существо человека определяется через вовлеченность в "Machenschaft"

В разделе XI ("Техника") Хайдеггер, как и Юнгер, отказывается считать технику как нейтральным средством, так и демонической силой[40]. Для критики метафизики все новоевропейское господство над техникой, все притязания быть ее господином – лишь видимость, которая довольно плохо прикрывает порабощение, понятое метафизически. Техника – по-ставление (Her-stellung) самого сущего (природы и истории) в заранее вычисленное и спланированное пространство "Machenschaft" В свою очередь, "Machenschaft"(как "Wesung des Seins") обнаруживает (zeitigt) технику, которая не зависит от желания или нежелания человека (В 173). Сущность техники (τέχνη) состоит не в изготовлении (Anfertigung), а в пред-ставляющем по-ставлении (vor-stellenden Herstellen). Западноевропейская метафизика основывает сущность техники, а именно ее история определяет технику как основную форму развертывания истины в качестве обеспечения (Sicherung) предметности сущего.

Вместе с тем "техника гарантирует себя от самой себя (sichert gegen sich selbst)", т.е. от вторжения истины (техника сама есть форма гарантии), делающей явным, что она не только может быть разрушением сущего, но и *опустошением* бытия (Verwüstung des Seyns). Согласно расхожему представлению, вторжение технических форм

[40] "В самом злом плену у техники, однако, мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней нечто нейтральное" (FT5, BT 22X).

уничтожает природу. Но, как показывает Хайдеггер, техника не разрушает "природу", а делает ее соразмерной (отвечающей) "машине", нацеленной на устроение сущего. Таким образом, и "природа", и "машина" мыслятся лишь в горизонте обустраиваемого сущего. Здесь Хайдеггер обращается к юнгеровскому определению техники как "мобилизации" и понятию "органической конструкции", нигде, впрочем, не ссылаясь на "Рабочего" или "Тотальную мобилизацию". 1) Техника приводит в "движение" не то, что еще не было использовано или поставлено на службу "Machenschaft", но впервые превращает сущее в целом в то, что готово для устроения (das Machenschaftliche). Человек не владеет "мобилизацией", и она не владеет человеком. Скорее, человечество как субъект встраивается, запечатлевается в "Machenschaft" сущего в целом[41]. 2) Хайдеггер отталкивается от фиксированного Юнгером факта, что в "мире работы" "техническое" ("механическое") сливается с "органическим" ("живым"), обретая единство в новом историческом феномене "органической конструкции" Отвергая вслед за Юнгером консервативную критику техники с ее противопоставлением "органического" и "механического", Хайдеггер также останавливается на уже названном феномене "органической конструкции" «То, что в эпоху "организации", учреждения всего сущего и распоряжения им, именно "органическое" должно стать единственно желанным, показывает лишь то, что теперь"механическое" и в широком смысле планируемого устроения (das Machbare) *и* "живое" отбросили видимость различия между ними» (B 176)[42]. Собственно, для Хайдеггера, как и для Юнгера техника завершается в "органической конструкции" (sic). Однако если Юнгер видел в ней признак утверждения новой иерархии ценностей рабочего[43], то для Хайдеггера она была не чем иным, как расширением сферы "европейского нигилизма"

После такого анализа хайдеггеровского подхода к технике, становится ясно, насколько описания "технического ландшафта" в "Рабочем" важны для хайдеггеровской мысли, вскрывающей метафизическую основу современной техники. Кроме того, если отвлечься от радикальности критики "героического реализма" (необходимой, если иметь в виду поставленную задачу "осмысления"), можно увидеть, что мысль Хайдеггера и Юнгера происходят из одного истока. В самом деле, Юнгер (хотя и руководствуясь иными задачами) отчетливо усмотрел контуры того, что в хайдеггеровской критике эпохи нашло более строгое выражение, вызванное необходимостью продумывания до конца европейской метафизики.

---

[41] Ср. юнгеровский диагноз в начале шестой главы "Тотальной мобилизации"

[42] О связи органического, механического и стихийного см. также GS 37.

[43] Ср.: A 178–179, P 262–263.

8. "ЗНАНИЕ О НИГИЛИЗМЕ" "ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ (О СОБЫТИИ)" (1936–1939)

В заключение коснемся другой фундаментальной работы Хайдеггера, "Вопросы философии (О событии)", которую можно считать наиболее значительным из написанного Хайдеггером в 30-е годы. Работа над манускриптом датируется примерно 1936–1938/9 гг.[44] Из восьми разделов книги мы остановимся на втором, "Der Anklang" ("отголосок", "отзвук", "напоминание"), где сфокусированы размышления о новоевропейской науке и технике в связи с оставленностью бытием. Главным проводником и собеседником в "Вопросах философии (О событии)" остается философия Ницше – "последняя великая философия" Однако свое отражение на страницах этого раздела нашла и метафизика "Рабочего", продолжающая, по словам самого Хайдеггера, последнюю западноевропейскую метафизику.

"Оставленность бытием – это основа и вместе с тем определение существа того, что Ницше впервые увидел как нигилизм" (E 119). Как мы уже знаем, критика господствующей "тотальной" идеологии национал-социализма в докладе 1938 г. получила форму критики мировоззрения. В "О событии" Хайдеггер идет еще дальше, пытаясь понять существо власти и тем самым развенчать "тотальное мировоззрение" в его истоке. Вместе с тем Хайдеггер всецело отдает себе отчет в том, что само "тотальное мировоззрение", опасаясь быть развенчанным, предпочитает уходить от вопросов и тем более отказывается ставить себя под вопрос (sich in Frage stellen). С помощью техники представители этого мировоззрения, т.е. идеологи, замещают творчество (Schaffen) предприятием, производством (Betrieb). По словам Хайдеггера, живое творчество оттесняется гигантизмом "Machenschaft" (E 40–1), однако именно здесь для мыслящего человека, черпающего силы и интерес в удивлении, τὸ θαυμάζειν, возникает глубокий вопрос: "Что есть творческое?" Главным признаком "величайшего нигилизма" является то, что Хайдеггер метко называет "организованной слепотой перед без-цельностью (Zeil-losigkeit) человека..." (E 142). Так, философское удивление оказывается великой противоположностью нигилизма современной эпохи. Несмотря на то что философ принадлежит своей эпохе, его сопровождает некое "существенное знание", которое исходит из "другого *начала*" (der andere Anfang) (E 158). В "О событии" речь идет не о том, чтобы, исходя из бесцельности нигилизма, начать самому ставить новые цели. Подобное предприятие оказалось бы не чем иным, как тем

---

[44] См.: Nachwort des Herausgebers // Heidegger M. Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). Gesamtausgabe / Hrsg. v. F.-W. von Herrmann. Frankfurt a. M., 1989. III Abt., Bd. 43. S. 515; *Vietta S.* Op. cit. S. 70.

самым "исходом в безысходность метафизики" Напротив, Хайдеггер требует отнестись всерьез к этой бесцельности и, вместив в себя, выдержать *"знание* о нигилизме" Именно это является "самым необходимым и трудным" в деле "преодоления нигилизма" (Е 141).

Рассмотрим § 74, который носит название: *Die "totale Mobilmachung" als Folge der ursprünglichen Seinsverlassenheit* (*"Тотальная мобилизация" как следствие изначальной оставленности бытием*).

«Чистое приведение-в-движение и выхолащивание всех прежних содержаний еще существующих форм.

Преимущество *метода* и *устроения* в целом подготовки и поставления-на-службу (или: ввода в эксплуатацию) масс – для чего?

Что означает это преимущество мобилизации? То, что при этом вынуждают появиться новый склад человека, есть лишь *ответное* действие этого свершения, но никогда не "цель"

Но существуют ли еще "цели"? Как происходит целе-полагание? Из начала. А что такое начало?» (Е 143).

Сплошные вопросы. Фрагмент (как, впрочем, и весь текст "Вопросов философии") просто озадачивает. Из какого знания исходит вопрошание Хайдеггера? Почему "устроение" связывается со "службой" и "мобилизацией"? О каком "складе человека" идет речь? В каком смысле следует понимать "цель"?

В первую очередь само название фрагмента отсылает к произведению Юнгера "Тотальная мобилизация" Согласно Юнгеру, "тотальная мобилизация" представляет собой тотальный технический процесс, являющийся функцией "гештальта рабочего" Вместе с тем "ein neuer Schlag des Menschen" (дословная цитата из "Рабочего": A 118, P 187, passim) – не что иное, как *тип*, т.е. тот оттиск, который гештальт рабочего оставляет на человеческом материале, представленном в человечестве в целом.

Анализ текста показывает, что язык "Рабочего", с одной стороны, незаметно вплетается в авторский текст, а с другой – дает повод для перехода к критике нигилизма и постановке вопроса о начале, отличной от традиционно метафизической. На эту "двойственность" фрагмента обращает внимание и Гюнтер Фигаль в своей книге о Хайдеггере. Он выделяет два аспекта хайдеггеровского прочтения: во-первых, вопрос о том, существуют ли еще цели; во-вторых, вопрос об истоке целеполагания. "Первый вопрос относится к опыту диагноза современности, тогда как второй связан с последней и наиболее радикальной версией хайдеггеровской программы деструкции"[45]. Интерпретация Хайдеггера также интересна тем, что обнаруживает собственный интерес философа и отсутствие интереса к "позиции", которую занимает Юнгер в "Рабочем". А именно: Юнгер нигде не говорит о том, что формирование "нового склада человека" –

[45] *Figal G.* Heidegger zur Einführung. S. 143.

это и есть та *цель*, ради которой совершается работа. Наоборот, проведение акта "тотальной мобилизации" уже предполагает наличие нового человека, типа.

Диагноз Хайдеггера примыкает, с одной стороны, к диагнозу Ницше, а с другой стороны, основывается на юнгеровском описании "технического пространства" Ницше первым вводит понятие "нигилизма" для характеристики того состояния, к которому пришла Европа. В интерпретации Хайдеггера нигилизму в свою очередь свойственно "отсутствие всяких целей" (alle Ziele sind weg) (E 136). "Тотальная мобилизация", стало быть, – наиболее яркое выражение нигилизма, раскрывающая его в аспекте безграничного движения. Иными словами, "мобилизация" понимается как суть движения нигилизма (нигилизма как движения). Такой диагноз скрывает в себе § 74.

В сущности, этот диагноз можно понимать как комментарий на слова Ницше "Бог мертв". Попытка прояснить эти слова и, соответственно, в каком отношении их автор находится к нигилизму, оказывается для самого интерпретатора актуальной задачей осмысления сущности нигилизма как "основополагающего движения истории Запада", развертывание которого "может привести к мировым катастрофам" (H 201–202, БМ 175–176). Для Хайдеггера важна предельная строгость подхода к нигилизму. Нельзя принимать явления нигилизма за сам нигилизм: так можно остаться на поверхности и никогда не проникнуть в глубину. Ибо "область, где совершается сущность и разверзается событие нигилизма – это сама же метафизика" (H 204, БМ 177). Стало быть, согласно Хайдеггеру, в "тотальной мобилизации" Юнгера, которая обнаруживает без-цельность современной техники, следует видеть истинный ответ на событие смерти Бога (установленное в нигилистической "метафизике" Ницше), мимо которого пройти нельзя.

Выдержать "*знание* о нигилизме" собственно и означает вместить в себя знание о смерти Бога. Метафизическое полагание ценностей в негативной (правда, упускающей сущности Ничто) форме превращает бытие, которое совмещает в себе характер присутствия и отсутствия, в голое присутствие (Präsenz), и "метафизика" терпит крах, надеясь приблизиться к истине опыта Божественного. Стало быть, знание о смерти Бога, кризис (суд) нигилизма, открывает глаза на конец "метафизики", позволяя Хайдеггеру "поставить под вопрос" всю традицию Запада и его судьбу. Однако вместе с тем конец возвращает к "другому началу" философии и поэзии, в котором доступен иной опыт Божественного с его открытием и утаиванием[46].

Под знаком такого поворота к "другому началу" проходили также и философские поиски Юнгера после второй мировой войны,

---

[46] Здесь следует обратить внимание на хайдеггеровское толкование Гёльдерлина. См.: *Heidegger M.* Hölderlins Hymnen "Germanien" und "Der Rhein" (Wintersemster 1934/35). 2., durchges. Aufl. Frankfurt a. M., 1989.

нашедшие отражение в эссе "Через линию" (1950), "Путь через лес" (1951), "У стены времени" (1959) и работах последнего десятилетия жизни: "Ножницы" (1990) и "Прогнозы" (1993). В них автор приближается к опыту "лесных троп" и радикально ставит вопрос о преодолении нигилизма, хотя и остается в рамках традиционной метафизики, как проницательно отмечает Хайдеггер. Значение послевоенных эссе, стоящих в одном ряду с "Рабочим", объясняется, кроме того, глубиной и точностью диагноза, поставленного ими технической современности. В самом конце эссе "Через линию" Юнгер пишет: "О времени меньше всего знает тот, кто сам не испытал страшную власть нигилизма" (L 279) – и эта фраза подтверждает особый ранг той диагностики и критики эпохи, которую мы находим у двух великих свидетелей XX в. – Эрнста Юнгера и Мартина Хайдеггера.

ИСТОЧНИКИ И ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БМ – *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет / Пер. А.В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. «Слова Ницше "Бог мертв".»

КМ – "Время картины мира". Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993.

ЕН – "Европейский нигилизм"

ПМ – "Преодоление метафизики"

ВТ – "Вопрос о технике"

У – Самоутверждение немецкого университета / Пер. В.В. Бибихина // Историко-философский ежегодник'94. М.: Наука, 1995. С. 298–306.

H – *Heidegger M.* Holzwege. 5. Aufl. Frankfurt a. M., 1972.

WM – Wegmarken. 3., durchges. Aufl. Frankfurt a. M., 1996.

VA – Vorträge und Aufsätze. Pfullingen, 1954.

N I, N II – Nietzsche. Bd. 1–2. 5. Aufl. Pfullingen: Günther Neske, 1989.

R – Die Selbstbehauptung der deutschen Universität // Das Rektorat, 1933/34. Tatsachen und Gedanken / Hrsg. v. H. Heidegger. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1983.

EN – Nietzsche: Der europäische Nihilismus (II. Trimester 1940) / Hrsg. v. P. Jaeger. Frankfurt a. M., 1986. II. Abt. Bd. 48.

FT – Die Frage nach der Technik // Die Technik und die Kehre. 8. Aufl. Pfullingen, 1991.

E – Beiträge zur Philosophie: (Vom Ereignis) / Hrsg. v. F.-W. von Herrmann. Frankfurt a. M., 1989. III. Abt., Bd. 43.

B – Besinnung. Gesamtausgabe / Hrsg. v. F.-W. von Herrmann. Frankfurt a. M., 1997. III. Abt., Bd. 66.

– Die Geschichte des Seyns: Gesamtausgabe / Hrsg. v. P. Trawny. Frankfurt a. M., 1998. III. Abt., Bd. 69.

GS – "Die Geschichte des Seyns"

Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / Пер. и послесл. А.В. Михайловского; Предисл. Ю.Н. Солонина. СПб.: Наука, 2000.

Р – "Рабочий"

М – "Тотальная мобилизация"

Б – "О боли"

BS – *Jünger E.* Blätter und Steine. 3. Aufl. Hamburg: Hanseat. Verl.-Anst., 1942.

TM – Die Totale Mobilmachung. Sämtliche Werke. Bd. 7. Stuttgart: Klett-Cotta, 1980.

S – Über den Schmerz. SW. Bd. 7. Stuttgart, 1980.

L – Über die Linie. SW. Bd. 7. Stuttgart, 1980.

A – Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt. Stuttgart: Klett-Cotta, 1982 (Cotta's Bibliothek der Moderne; 1).